

ВСТРЕЧИ В РАЗНЫЕ ГОДЫ

Юрий Григорьевич Виленский

Врач-фтизиатр, кандидат медицинских наук, литератор и историк медицины. Исследователь жизни и творчества писателя-медика Михаила Афанасьевича Булгакова. Автор книги о Викторе Некрасове и многочисленных публикаций о врачах-ученых. Член Национального союза журналистов Украины, лауреат премии АМН Украины. С Амосовым Юрия Григорьевича связывала многолетняя дружба и доверительные отношения. Николай Михайлович был первым читателем и критиком рукописи книги "Доктор Булгаков", а собираясь на операцию в Германию в 1998 году он, в случае неблагоприятного исхода операции, попросил Юрия Григорьевича довести рукопись своей книги воспоминаний "Голоса времен" до издания...

Так получилось, что мне посчастливилось не раз встречаться и беседовать с незабываемым Николаем Михайловичем — на протяжении нескольких десятилетий. Конечно, это весьма субъективные впечатления и воспоминания, и мои строки — просто скромный лепесток в необходимом этому герою XX столетия мемориальном венке. Ученики и коллеги великого хирурга и необыкновенного человека, возможно, напишут о нем больше и лучше, как бы дополняя талантливый амосовский автопортрет. Но ведь у каждого из нас, наверное, свой Амосов...

Впервые я увидел Николая Михайловича весной 1955 года, в дни окончания Киевского медицинского института. Некий торжественный акт, посвященный выпуску, проходил, кажется, в Доме офицеров. Наш не очень большой курс педиатров вместе с другими выпускниками сидел в партере, в зале, а преподаватели — в президиуме. Пришел и Николай Михайлович, недавно избранный заведующим кафедрой хирургии санитарно-гигиенического факультета. Сел в зале, среди студентов. Все с любопытством на него взирали, на его молодое волевое характерное лицо, короткую стрижку, располагающую улыбку. В Институте о нем, торакальном хирурге, приехавшем в Киев из Брянска, владеющем резекцией легкого — удивительной для того времени операцией, были наслышаны. Я, в частности, знал об этом, пожалуй, больше других, поскольку в 1952 году перенес в Институте туберкулеза операцию экстраплеврального пневмолиза, и хирурги, имевшие к этой эпопее прямое отношение, — Григорий Гаврилович Горovenко, Иван Моисеевич Слепуха и Евгений Харитонович Лозовой — теперь работали вместе с Н.М.Амосовым и его командой.

Пройдя периферийные веси в качестве врача-фтизиатра в Полесском, а затем в Нежине, в диспансере на Казачьей улице, я возвратился в Киев, с трудом восстановил прописку и попал ординатором в тубгоспиталь для инвалидов Отечественной войны в Пуще-Водице. Это особая летопись, и я написал об этих годах повесть "Черная боль", так и не увидевшую свет. Однако примерно тогда же я начал сотрудничать с АПН — Агентством печати "Новости", поскольку меня тянуло и к журналистике, понятно, на медицинские темы. Моими работодателями в Киевском отделении АПН были Константин Даниленко и Всеволод Ведин

(известна его коронная фраза — "Это дело не стоит Вединого яйца"). Обоих уже давно нет...

АПН имело флер относительно независимого информационного агентства, и какая-то доля истины в этом была, впрочем, весьма небольшая. На самом деле, оно выполняло роль рупора советской пропаганды для Запада. Печататься тут было престижно, поскольку принятые материалы широко тиражировались. И вот однажды я написал для АПН репортаж об амосовских операциях на сердце. Я несколько раз побывал в Институте, изменившем благодаря А.С.Мамолату и Н.М.Амосову свое название и объединявшем теперь в этой официальной формуле туберкулез и грудную хирургию, всмотрелся в подробности работы АИК — аппарата искусственного кровообращения, включая подготовку его к включению, присутствовал (визуально, глядя сверху) на таинствах новых вмешательств. Странно, но обзор сверху открывал достаточно яркий простор для драматичного описания всех моментов работы Николая Михайловича и его помощников.

Помнится, что свою статью я сам отстучал на пишущей машинке...

В назначенное время Николай Михайлович принял Константина Даниленко, фотокорреспондента Николая Селюченко и меня в своем небольшом кабинете, в первой самостоятельной цитадели кардиохирургии — новом трехэтажном корпусе Института туберкулеза. Николай Михайлович быстро, но внимательно просматривал мой текст, озаглавленный, кажется, "Это старое новое сердце", а Н.Селюченко, не ожидая приглашения, с разных позиций, не теряя ни секунды, фотографировал его. Мой опус Николай Михайлович, без особых замечаний, завизировал, и когда потом в газетах я видел его снимок, сделанный в те минуты, меня охватывала какая-то гордость — Амосов вчитывается в мои строки!

Вернусь к своей многострадальной повести. Она охватывала и будни в глубине пуца-водицкого леса, и переезд в новую больницу в Мостицах. Все это живет во мне благодаря и этому произведению, вызывая ностальгию. Ивана Слепуху я описал в образе хирурга Ивана Слечука. Николай Михайлович упоминался как бы косвенно — в рассказе Слечука об эпизоде прорыва легочной артерии, ушитой Амосовым на высоте кровотечения. Так оно и было, только случилось это в иных обстоятельствах, чем в рукописи. Собственно, к этому времени вышли "Мысли и сердце", сразу же сделавшие Николая Михайловича знаменитым писателем. Написал о нем блестящий роман "Бар'єр несумісності" Юрий Щербак. Амосов тут фигурировал как Костюк, естественно, с лирической коллизией, с мелодией любви, характерной для жанра. Юрий Щербак, работавший рядом с амосовской обителью, в Институте эпидемиологии и инфекционных болезней на взгорье Протасова яра, видел Николая Михайловича чаще и даже написал стихотворение о том, как хирург спешит, поднимаясь вверх крутой улочкой, и когда-нибудь дубы расскажут об этих походах...

Мои экзерсисы были иными, они диктовались сотрудничеством в газете "Правда Украины", где я, продолжая работать врачом, обрел статус медицинского обозревателя. Начинались семидесятые годы, почему-то уже стал зримым финал столетия, и я предложил материал под достаточно броским названием "Врач 2000 года". Это должно было быть интервью с Н. Амосовым. Предварительно я выстроил контуры беседы: хирургия сердца, искусственные органы,

трансплантация, кибернетика. После встречи с Николаем Михайловичем в его прежней квартире на Красноармейской и его замечаний этот фантастический репортаж стал вырисовываться, и в итоге Амосов его одобрил. Должен сказать, что к стилю и фактажу изложения он, как правило, не придирался. Сенсационный материал вышел, а потом, кажется, без ссылки на "Правду Украины" его перепечатала "Неделя".

Меня, понятно, больше всего интриговала писательская ипостась Амосова. Именно она сделала его легендарной фигурой. "Нью-Йорк Таймс" в рецензии на его повесть изобразила его правдоискателем, в чем был намек на вольнодумство. Именно Амосову все это, в определенных рамках, позволялось, вплоть до приезда к нему корреспондента и фотографа из журнала "Лук", когда выяснилось, что хирург, кибернетик и писатель Амосов — одно и то же лицо. По стопам американского журнала решила пойти и болгарская газета "Отечествен фронт". Она прислала в Киев корреспондента для встречи с Николаем Михайловичем. Газета являлась "побратимом" "Правды Украины", и я стал связующим звеном. В летний день болгарский журналист, ответственный секретарь нашей газеты Иван Недялков (как болгарин, владевший языком) и я пришли в условленное время к Николаю Михайловичу в его квартиру на углу ул. Ленина и И. Франко. Знаменитый кабинет Николая Михайловича имел рабочие черты, как раз в эти дни он завершал свои замечательные записки фронтового хирурга.

Накинув рубашку и оторвавшись с неохотой от рукописи, он вступил в беседу. Был лаконичен, давал понять, что времени у него в обрез. Запомнился его ответ о качестве и уровне советской медицины. Без экивоков Николай Михайлович вдруг сказал: "Медицина в нашей стране совершенно безответственна". И это было сказано иностранному журналисту! Когда я рискнул задать еще какой-то дополнительный вопрос, Амосов заметил: "Юра, не гальванизируй труп". И мы раскланялись.

В качестве презента болгарский гость захватил бутылку "Плиски", представлявшую тогда дефицит. Николай Михайлович небрежно отставил "Плиску" в сторону, сказав, что после повышения цен на коньяк это, в общем, уже не диковинка. Итак, выйдя из парадного, мы втроем отправились в прохладный винный магазинчик на Нестеровской (т.е. ул. И. Франко). Тут, за стаканом сухого вина я ответил на вопросы за Николая Михайловича. Статья, занимавшая две полосы, вышла. Я принес экземпляр "Отечествен фронт" Амосову. Газету он взял, заметив, правда, при этом, что макулатуру не собирает...

Где-то в эти годы меня обуяло желание написать книгу "Доктор Булгаков". Я, кажется, первым расшифровал подписи знаменитых киевских ученых-медиков Образцова, Волковича, Яновского и других в зачетке Михаила Афанасьевича Булгакова, обнаружил его неизвестную фотографию, побывал на Смоленщине, в Сычевке, описанной как Грачевка, почти дошел до Никольского. Одним из первых читателей рукописи стал Николай Михайлович. Она ему понравилась, но писать послесловие он не захотел, сказав, что это куда лучше может сделать Щербак. Однако фигурой М. Булгакова Николай Михайлович заинтересовался, и однажды он, Григорий Кипнис и я по моему "контакту" пришли в "дом Турбиных" на Андреевском спуске. Экскурсию с воодушевлением провел Анатолий Петрович

Кончаковский, один из создателей булгаковского мемориального музея. Николай Михайлович всматривался во все с интересом и трепетом, а потом мы пешком поднялись вверх по Андреевскому спуску к Софии, говоря, кажется, не только о Булгакове...

Но потом, потом... Я вынужден перейти к трагической полосе в моей жизни, к онкологической беде. Чтобы заглушить тоску сына Димы, его усталость после облучений, требовались детективы — мне казалось, что они подходят для этого. Брал я эти книги у Николая Михайловича, он давал их щедро, без отдачи. Дал и деньги, когда забрезжила надежда на новый виток лечения. Но ничего не помогло...

Уже в 2000-м, в туманный февральский день, я встретил Николая Михайловича на аллее Ботанического сада, соединявшей бульвар Шевченко с Тарасовской. Сочувствие его было горячим, родным, и по его приглашению я вновь стал бывать в гостеприимном доме Лидии Васильевны и Николая Михайловича. Обморок жизни тут немного отступал. Несколько раз приходил к нему вместе с Исааком Михайловичем Трахтенбергом. Однажды даже немного выпили втроем за встречи, удачи и многолетнюю дружбу. Стол в кабинете Николая Михайловича радушно накрыла Лидия Васильевна, сразу же покинув нас...

К дням моих борений с фатумом относится и история с книгой мемуаров Николая Михайловича "Голоса времен". Все началось в 1996-м, еще до ужасного удара в моей семье, во время одной из бесед с Николаем Михайловичем в его доме. Он сказал вдруг, что хотел бы издать к 85-летию воспоминания, но не знает, где найти издателя. И без раздумий за это, в сущности, бескорыстно взялся книжный художник и в то время владелец издательства Николай Николаевич Вакуленко. И вот Николай Михайлович, с присущей ему интенсивностью, стал работать над рукописью на компьютере, и она была завершена в срок. Я стал первым читателем рукописи, написав и предисловие, весьма понравившееся Николаю Михайловичу. Потом "Голоса" переиздал "Вагриус", выбросив мое предисловие. Третий вариант воспоминаний, сделанный для Интернета, Николай Михайлович отредактировал и несколько сократил, вновь проявив точность и силу своего пера. Хотя некоторые трогательные эпизоды о том, например, как в тридцать четвертом Амосов чуть было не попал под суд, о мыслях, о суициде после гибели раненого на столе от новокаинового шока, кажется, выпали...

Во время работы над книгой, в весенний день 1998-го года, Николай Михайлович внезапно мне позвонил. Он сказал, что с приступами стенокардии не справляется и едет в Германию на операцию. Попросил меня, что бы там ни случилось, довести издание книги до конца... Операцию (аортокоронарное шунтирование и замену аортального клапана) профессор Кёрфер осуществил вполне благополучно. Амосов вернулся в Киев и дописал книгу, завершив ее этими испытаниями.

Здоровье как бы возвратилось к нему, он продолжал свой эксперимент со сверхнагрузками и целью отодвинуть старость. Все шло, казалось бы, хорошо, но однажды она взяла свое. Узнав, что Николай Михайлович недомогает, я где-то в конце ноября 2002 года позвонил ему, сказал, что существует, моя, единственная серьезная болезнь — онкологическая напасть, а все остальное поправимо. С какой-

то грустью он ответил, что есть еще один грозный недуг — Старость...

Вспоминаю, как дома он открывал мне двери и легкой походкой вел в любимый кабинет, небольшой и неповторимый по фактуре. Однажды я пришел к нему и в Институт, где он вновь стал бывать примерно раз в неделю. Небольшой его кабинет был напротив кабинета его преемника и сподвижника Геннадия Васильевича Кнышова. Все, а особенно Анна Ивановна, легендарный секретарь Николая Михайловича с первых дней, относились к нему трогательно и нежно. И, что очень важно, при жизни. Пронеслись вдруг в памяти приходы в этот корпус, на верхний этаж, к приятельнице моей юности, жене журналиста Маркияна Винокурова и маме Сергея Винокурова, Прасковье Хрисанфовне Собко. Самоотверженная ученица Николая Михайловича, она освоила одномоментную резекцию на обоих легких. В последние годы из-за аллергии на анестетики оперировать не могла. Но мечтала создать музей Николая Михайловича, начиная с первого АИК — "рыжей машины"...

В дневниках Николая Михайловича, еще ждущих отдельной публикации, хирургические страсти соседствуют с писательскими зовами. Я усилием мысли вижу мудрые, все понимающие, в последнее время немного грустные глаза Николая Михайловича. Конечно, это замечательно, что сохранился его образ в кинокадрах. Не сомневаюсь почему-то, что эта эманация не потускнеет и в наступившем веке. И все-таки это будет Амосов без Амосова. Как с суровой правдой написал однажды Николай Михайлович о Владимире Вениаминовиче Фролькисе в сборнике, ему посвященном, пусть же звучит хотя бы слово.

2004 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015